

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 48

Series Editor
Lazar Fleishman

Across Borders: 20th Century
Russian Literature and Russian-
Jewish Cultural Contacts

Essays in Honor of Vladimir Khazan

Edited by
Lazar Fleishman and Fedor Poljakov

PETER LANG

«Мышонок»: Михаил Горлин в парижском окружении Алексея Ремизова*

Федор Поляков

Universität Wien

Берлинский период в жизни А.М. и С.П. Ремизовых, начавшийся 21 сентября 1921 г.,¹ осенью 1923 г. подходил к концу под знаком нарастающей социальной неопределенности. Отношения с хозяйкой сдаваемых внаём комнат привели к тому, что уже в самом начале года им пришлось заняться поиском нового жилья, а вскоре Ремизову полицейскими властями было предписано в двухнедельный срок покинуть прусскую столицу. Рассказ писателя об этих событиях – «как меня высылали из Берлина «за спекуляцию»» – в его сборнике «Мышкина дудочка» (Париж: Оплешиник, 1953 г.) появился три десятилетия спустя, в контексте, осложненном дополнительными сюжетными линиями и ассоциациями. Поэтому прежде чем обратиться к этому рассказу, интересующему нас преимущественно в связи с биографией поэта Михаила Горлина, рассмотрим более подробно его предысторию – фактографическую основу берлинского эпизода.

Согласно Ремизову, накануне Нового года, т.е. в декабре 1922 г., в результате встречи у Ремизовых приехавшего из Праги Евгения Чирикова (в скобках заметим, что в Берлине шла постановка его дореволюционной пьесы «Евреи») с Андреем Белым и их бурного спора «наша хозяйка объявила, что держать она нас больше не может и чтобы искали комнаты, а выгоняет она нас за испорченные тарелки <...> Лишиться комнаты в те времена – большое несчастье <...> ». После Нового года из полицейского управления приходит «требование покинуть Берлин в двухнедельный срок», что создает «положение безвыходное». Битая посуда как причина высылки сразу отпадает, и какие-то «опытные люди» пускают догадку, что это связано с наказанием за «спекуляцию». И Ремизов,

* Благодарим за помощь в подготовке статьи Catherina A. Ciepiela (Amherst, Massachusetts), Stanley J. Rabinowitz (Amherst, Massachusetts), Carmen Sippl (Wien), Анну Урюпину (Москва), Лазаря Флейшмана (Stanford), Татьяну Чеботареву (New York).

¹ Н.В. Резникова. *Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове* (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980), стр. 61.

принужденный действовать незамедлительно («А время идет, вот когда время шло, за каждый день зубами б уцепиться, припредержать»), по его словам, дает телеграмму Томасу Манну в Мюнхен. Знаменитый писатель откликается письмом к Ремизову. Этот документ приведен в оригинале и в ремизовском переводе; заодно сообщается, что подлинник хранится в полицейском управлении, а Ремизовым снята точная копия (с лукавой ремаркой: «сам Томас Манн не отличил бы от своего письма. А вы знаете, что такое почерк Томаса Манна – разобрать ни одна лупа не берет»). В полиции рассмотрение дела затягивается до Пасхи (т. е. до апреля 1923 г.), упоминаются квартирная хозяйка «с ее упреками и подозрительностью с утра до вечера», а также советский полпред Н.Н. Крестинский и историк Б.И. Николаевский, удивленные нелепым подозрением писателя в спекуляции. Затем приходит распоряжение верховного органа: «Потребовалось личное вмешательство прусского министра внутренних дел Северинга» (Carl Wilhelm Severing, 1875–1952), после чего, когда зацвела вишня, было выдано «правожительство на три месяца».² Между тем сюжетная линия повествования, с обращением гонимого писателя напрямую к своему знаменитому собрату, содержит одно трудно объяснимое умолчание.

Подчеркнем, что участие Томаса Манна в делах Ремизова оказалось возможным не из-за телеграммы к нему его эпизодического знакомого (если она вообще была послана), а благодаря переводчику Александру Элиасбергу. Упомянутые события разворачивались в то время, когда сам Элиасберг находился в Берлине, приехав из Мюнхена на праздники.³ В письме к Ремизову от 28 января 1923 г. Элиасберг сообщает:

Дорогой Алексей Михайлович, сейчас же по возвращении в Мюнхен я написал Томасу Манну, чтобы он написал Вам такое рекомендательное письмо, как мы с Вами решили. Я нисколько не сомневался, что он эту просьбу исполнил, и поэтому ничего более не предпринимал. Но вот он мне сегодня телефонирует, что только что вернулся из Швейцарии, где пробыл месяц, и застал у себя дома мое письмо по Вашему делу; нужна ли его помощь? А посему прошу Вас, написать мне *срочно*, как обстоит дело с Вашим правом жительства в Берлине и нужны ли еще какие-нибудь рекомендательные письма для земных властей. И как обстоит дело с квартирой: съели ли Вас Ваши львы, или помирились Вы с ними?

В ответном письме от 30 января 1923 г. Ремизов пишет:

Дорогой Александр Самойлович, каждый день хозяйка спрашивает: когда? Все сложили, уезжать, а куда. Так и живем. День ищем, ночь разговариваем. До сих пор не выяснено, подал прошение о продлении. Жду вызова. И тут-то и надо будет письмо. И жду и прошу. Если это можно.

Вероятно, письмо Манна было написано уже после сообщения ему Элиасбергом этих подтвержденных Ремизовым сведений, т. е. в начале февраля, и задним числом датировано январем. Поскольку ответ полиции заставлял себя ждать, а это ведомство в тот момент как раз занималось вытеснением разнородных обитателей «русского Берлина» из Берлина германского, Элиасберг предпринимает следующий шаг (письмо от 25 февраля 1923 г.):

Дорогой Алексей Михайлович, узнал от В.Ф. Клейна, что у Вас все еще не улажено дело с правом жительства в Берлине. Посылаю Вам при сем рекомендательное письмо к родственнику моему, Д-ру Леону Цейтлину, лицу влиятельному и занимающему высокий пост в Министерстве – адрес же его можете установить по телефонной книге. – Отправьтесь к нему с прилагаемым письмом и прочими документами лично, и он окажет Вам всяческое содействие – человек он молодой и очень хороший.⁴

2 А.М. Ремизов, «Мышкина дудочка», в кн.: А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 10. *Петербургский буерак* (Москва: Русская книга, 2002), стр. 138–140.

3 О своем приезде он уведомлял Ремизова (письмо из Мюнхена от 13 декабря 1922): «<...> Числа 20 декабря я прибываю *собственной персоной* <в оригинале красными чернилами – Ф. П.> в Берлин и не премину Вас навестить». Цитаты из переписки Ремизова с Элиасбергом предоставлены нам Кармен Зипль по автографам из собрания: Praha, Literární archiv Památníku Národního písemnictví, 162/48 (полная публикация пражских материалов Ремизова готовится к печати А.М. Грачевой). – Личное знакомство Манна и Ремизова состоялось 20 марта 1922 г. на встрече в берлинском Доме искусств. См.: К.М. Азадовский, А.В. Лавров, «Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями («Слово благодарственное» Андрея Белого Томасу Манну)», *Русская Литература*, 1978, №4, стр. 146–151.

4 Здесь упомянут петербургский уроженец Woldemar Richard Klein (1892–1962), в ту пору – мюнхенский издатель, владелец издательства «Orchis», тесно связанный с Элиасбергом и проявлявший интерес к творчеству Ремизова; см. подробнее: Jonas Jakob Leis, «Der Verleger Woldemar Klein. Die Münchner Jahre», *Imprimatur. Ein Jahrbuch für Bücherfreunde*. N.F. XX (2007), S. 261–276; Федор Поляков, «Взаимное тяготение культур». Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е – 1930-е годы», *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa. Per Antonella D'Amelia*, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi (Salerno: Università

Письмо подписано с указанием титулатуры отправителя: «Обезьянего Знака I степени с индейскими хохолками кавалер». Этот титул был присвоен Элиасбергу грамотой, датированной 26 декабря 1922 г. (оригинал хранится в частном собрании).⁵ Особый интерес вызывает указание Элиасберга на своего родственника, который мог бы составить Ремизову протекцию: предположительно речь шла о Dr. Leon Zeitlin (1876–1967), известном экономисте и публицисте, социал-демократе, депутате парламента, занимавшем высокие посты в нескольких организациях и ведомствах. Рекомендательным письмом Ремизов, очевидно, не воспользовался, поэтому оно и осталось среди его бумаг. В тексте письма⁶ обращает на себя внимание сведение: «trotz eines Empfehlungsbriefes von Thomas Mann und des Eintretens des Auswärtigen Amtes» («несмотря на рекомендательное письмо Томаса Манна и поддержку Министерства иностранных дел», курсив наш – Ф.П.) – очевидно, эта вторая нить вела к полпреду Крестинскому.

Весной, в начале апреля, Ремизовым удалось снять квартиру в центре Берлина, в районе Moabit, по адресу: bei Dierow, Lessingstr. 16, Berlin NW 23 (открытка Элиасбергу от 7 апреля 1923 г., с замечанием: «Правов еще не имею, но и не трогают»). Это место также упоминается в сборнике «По карнизам», как например: «жили мы в Берлине на Лессингстрасе, и

di Salerno, 2014) (*Europa Orientalis*, 22), стр. 358–360. О сложностях правового положения бывших граждан Российской империи в Германии см.: А.В. Винник, «Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. По материалам Российского государственного военного архива», *Русский Берлин 1920–1945*. Сост. М. А. Васильева, Л.С. Флейшман (Москва: Русский путь, 2006), стр. 363–368; З.С. Бочарова, «Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг.», *ibid.*, стр. 369–405.

5 Сообщено Кармен Зишпл. В перечне кавалеров Обезвельволпала в кн.: Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в письмах и документах* (С.-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2001), стр. 367, на основании эпистолярного источника (1924 г.) зафиксирована неточная форма «с индийскими хохолками».

6 Carmen Sippl, “Der Übersetzer Alexander Eliasberg und die russische Literatur im Exil (Dmitrij Merežkovskij – Ivan Šmelev – Aleksej Remizov)”, in: Adelbert J.M. Davids, Fedor B. Poljakov (Hrsg.). *Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Religiöses und kulturelles Leben* (Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2008), S. 210–211. – Ремизов благодарил за эту рекомендацию (письмо от 8 марта 1923 г.); к тому времени он продолжал ходатайства о виде на жительство, а Серафима Павловна – поиск квартиры.

я назывался тогда на немецкий лад – Ремерсдорф (Remersdorf)».⁷ Следующее сохранившееся письмо Ремизова к Элиасбергу датируется 28 июля 1923 г.; его содержание показывает, что между ними до этого происходил обмен информацией:

<...> Право на жительство у нас до 31 XII 1923.

Хлопотать надо начать с ноября. Хотелось бы к этому времени побольше иметь переведенного на немецкий.

На всю жизнь, д<олжно> б<ыть>, напуган «правом жительства».

В портфеле ношу все газеты, в к<отор>ых переведено, и которые достать удалось и книги, когда случается ходить по всяким учреждениям.

Таким образом, вид на жительство был выдан не на три месяца (см. выше), а до конца 1923 г., и Ремизов, как следует из этих его строк, был заинтересован в дальнейшем его продлении, т.е. не исключал возможность оставаться в Берлине.

Одновременно печатно и в письмах он подчеркивал, что за границей находится временно, по личным причинам; пребывание в Берлине не лишало эту версию правдоподобия в глазах знакомых Ремизова в Кремле и в советском полпредстве. Его ходатайство о возвращении в советскую Россию было удовлетворено постановлением ВЦИК и выдачей (30 октября) разрешения на въезд в страну консульским отделом полпредства в Берлине.⁸ Но, не дожидаясь истечения срока действия этого разрешения (2 декабря) и окончания берлинского вида на жительство, Ремизовы переступают черту, отделявшую их от эмиграции. 5 ноября 1923 г. они спешно покидают Берлин, с остановкой в Кельне с 5 на 6 ноября, и в ночь с 6 на 7 ноября прибывают в Париж.⁹ Обращаясь в очередной раз с ходатайством

7 А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 11. *За* (Москва: Росток, 2015), стр. 483.

8 См. вступительную заметку А.М. Грачевой к публикации: Алексей Ремизов, «Дневник 1917–1921». Подготовка текста А.М. Грачевой, Е.Д. Резникова. Вступительная заметка и комментарий А.М. Грачевой, *Минувшее. Исторический альманах*. 16 (Москва: Atheneum – С.-Петербург: Феникс, 1994), стр. 414–415. См. также: А.М. Грачева, «Между Святой Русью и Советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции», в кн.: Алексей Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 5. *Взвихренная Русь* (Москва: Русская книга, 2000), стр. 603; Лазарь Флейшман, «Бергство в Эстонии. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил», *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. N.F. Bd. 4 (2016), стр. 70.

9 Хронология отъезда из Берлина, прибытия в Париж и первых проведенных там дней зафиксирована Ремизовым отдельно: Amherst Center for Russian Culture (Amherst College, Amherst/Massachusetts). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers [далее – Amherst, Remizov Papers], Box 20, Folder 4.

к В.Ф. Зеелеру, генеральному секретарю Союза русских писателей и журналистов, Ремизов в письме от 31 марта 1935 г. перечисляет свои первые шаги на новом месте:

1) Из Берлина мы приехали в Париж 7 ноября 1923 (храню Extrait du registre d'immatriculation, выданное в Префектуре 23 Nov. 1923)

2) В Союзе писателей с ноября 1923 (сохраняю росписку о внесении членского взноса – 20 frs 17 ноября 1923).

Впоследствии, десятилетие спустя, Ремизов сопоставил две волны российских беженцев из Германии во Францию:

Первая «Берлинская волна» в Париже – зима 1923; примета: серое пальто и всегда говорят не «метро», а «унтергрунд». Так узнаются русские парижане берлинского происхождения. Вторая «Берлинская волна» – весна 1933 г.; примета – по всякому поводу восклицание: «чудно» – с немецкого «wunderschön».¹⁰

Новые пришельцы принадлежали к молодому поколению, «кто во вторую революцию – 1917 г. под стол пешком ходил, но ни Керенский, ни Колчак–Деникин им ничего не говорят»; росли же они в Берлине, и поэтому для них «берлинское Зоо» не просто зоологический сад, а как тот чудесный сказочный сад с золотыми яблоками, который сад и во сне снится и в старости, если кому суждено дожить, вспомнится»¹¹. В этой волне оказался поэт и ученый Михаил Горлин, родившийся в 1909 г. в Петербурге, историк литературы с докторской степенью Берлинского университета (1931 г.). До старости, о которой говорит Ремизов, дожить ему было не суждено – он погиб в газовой камере Освенцима 5 сентября 1942 г.¹²

Упоминание двух внутриэмиграционных беженских волн содержится в рассказе Ремизова о библиофильском сборнике, который носил игровое заглавие «Кишмиш» (ср. аналогичное обозначение тематического смешения в таких названиях, как *Miscellanea*, *Mélanges*, *Vermischtes*):

10 А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 10. *Петербургский буерак*, стр. 136.

11 Любопытная деталь личного культурного кода Ремизова, используемая для характеристики этого младшего поколения, рассмотрена в статье: Вера Сердечная, «Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of Heaven and the Hell»: загадка рукописей из архива Ремизовых», *Новое Литературное Обозрение* №146 (2017/4).

12 Федор Поляков, «Трагическая и неискупимая судьба: Свидетельства о гибели Михаила Горлина», *Avoti. Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина*. Под редакцией Ирины Белобровцевой, Аурики Меймре и Лазаря Флейшмана. Part II (Stanford, 2012) (*Stanford Slavic Studies*, 43), стр. 212–233.

«Кишмиш» – рукописный сборник книжных любителей из двух берлинских волн, осевших в Париже. Редактор Михаил Горлин (по-обезьяньи Мышонок), обложка и заставки Нины Бродской.¹³

Речь идет о единственном экземпляре, в котором имела «редакционная статья – романтическая ирония, рука «Мышонка», архивный и библиографический отдел. Для стихотворных вставок были предусмотрены листы, оставленные (также с игровыми целями) чистыми. Композиция рассказа опирается на параллелизм событий в жизни Ремизовых – квартирный эпизод в Берлине (1923 г.) и вынужденный переезд на новую квартиру в Париже (1933 г.). Выбранный ракурс биографического описания поглощает в себя катастрофу «большой истории»: повествование не скупится на детали о злоключениях Ремизова, не затрагивая причины «второй волны» беглецов из Берлина.

Время написания рассказа «Кишмиш» нам не известно, первая публикация – послевоенная и содержит в заглавии прямую отсылку к 1933 году, при включении в состав книги *Мышкина дудочка* снятую.¹⁴ Сохранился автограф Ремизова (черновик с авторской правкой), также поздний, в котором отметим следующие варианты по отношению к печатному тексту:

1. Повсеместное авторское написание *Кишмиш*;
2. Цитата из машинописного предписания берлинского полицейского управления приведена в оригинале: «Ich stelle Ihnen anheim, sich innerhalb dieser Frist ausserhalb Gross-Berlins eine Unterkunft zu beschaffen». При публикации был использован смягченный русский перевод: «Я Вам предписываю найти себе помещение вне Большого Берлина в течение этого срока»;
3. При перепечатке исключена фраза в конце газетной публикации: «А про пчелу я dokonчу в следующем выпуске»¹⁵.

Перейдем к свидетельствам о контактах Ремизова и Горлина, рассмотрев их в хронологической последовательности. В Берлине Ремизов и Горлин не встретились, несмотря на наличие общих знакомых – семьи С.Л. Франка

13 А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 10. *Петербургский буерак*, стр. 136.

14 Алексей Ремизов, «Кишмиш: 1933», *Новое Русское Слово*, 1952, 20 июля, стр. 2; Алексей Ремизов. *Мышкина дудочка* (Париж: Оплешник, 1953), стр. 159–166; А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 10. *Петербургский буерак*, стр. 136–143. О характере этого сборника см.: А.М. Грачева. *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы)* (С.-Петербург: Пушкинский дом, 2010), стр. 152 слл.

15 VAR, A. M. Remizov Manuscripts, Box 1.

(Горлин дружил с Виктором, его старшим сыном) и художника Н.В. Зарецкого. Именно Зарецкому принадлежит основная роль в развитии последующих отношений Горлина с Ремизовым. В конце 1931 г. Горлин в письме к Зарецкому упоминает о прочтении книги Ремизова *Звезда надзвездная. Stella Maria Maris* (Paris: YMCA Press, 1928), с отсылкой к скандалу, разразившемуся за несколько лет до того – в конце 1928 г. в их берлинском «Клубе поэтов». Напомним, что после выхода в свет этой книги Ремизова один из членов «Клуба поэтов», Владимир Набоков, откликнулся резкой рецензией в газете *Руль*. Она повлекла за собой выступление Зарецкого в защиту Ремизова на заседании горлинского Клуба и его нелицеприятное объяснение с Набоковым¹⁶. Раздражение Набокова не прошло и с годами, обретая такие очертания: «На soirée поэтического кружка в доме Евгении Залкинд толстый бездарный старый художник по фамилии Зарецкий зачитал свой отпечатанный на машинке ответ на сирийскую рецензию. <...> Сирий спросил Зарецкого, понимает ли он, что говорит, и заявил: «если бы не ваш возраст, я бы разбил вам морду». <...>».¹⁷ Возраст «старого художника», бывшего гусара Зарецкого к тому времени – 52 года. В изложении Зарецкого (письмо к Ремизову от 31 декабря 1928 г.) Сирий был оскорблен «литературной аналогией» – сравнением его отзыва о Ремизове с отзывом Фаддея Булгарина о VII главе «Евгения Онегина» – и покинул собрание. Председатель (т. е. Горлин, имя которого Зарецкий, очевидно из симпатии, предпочел не упоминать) стал сожалеть о происшедшем, упрекая, однако, самого Зарецкого в полемичности его выступления. Понятно, что Горлин, близко знавший Набокова и друживший с Зарецким, оказался тогда в незавидном положении, тем более что, судя по сохранившимся за более раннее время протоколам заседаний Клуба, на его заседаниях подобных разногласий не случалось. Но Зарецкого поддержали другие члены Клуба, в их числе и Раиса Блох, вообще недолюбливавшая Набокова.¹⁸ Три года спустя после этого эпизода Горлин пишет Зарецкому (письмо от 20 ноября 1931 г.):

16 Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 251–260; Н.В. Зарецкий, «По поводу рецензии В. Сирина на книгу А. Ремизова «Звезда надзвездная» (публикация И.С. Чистовой), *Рисунки писателей. Сборник научных статей*. Сост. С.В. Денисенко (С.-Петербург: Академический проект, 2000), стр. 278–285.

17 Брайан Бойд. *Владимир Набоков: Русские годы. Биография* (С.-Петербург: Симпозиум, 2010), стр. 337.

18 Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 259.

Раиса Ноевна просит Вам сердечно кланяться – пишу не в конце письма, как обычно полагается, а в середине, потому что вдруг позабуду, нехорошо будет – и просит Вам передать, что «Звезда надзвездная» Алексея Михайловича – замечательная вещь и Вы на достопамятном заседании вполне и во всем были правы. А «Звезду надзвездную» принес Раисе Ноевне я; взял ее на днях из «Staatsbibliothek»: оба (Раиса Ноевна и я) прочли и удивились, т.е. не удивились, а обрадовались, умилились итд., потому что уж очень хорошо.¹⁹

Осенью 1932 г. Горлин собирался выполнить просьбу переехавшей в Базель художницы Нины Бродской – отправить Ремизову оставшиеся у нее в Берлине рукописи не принятых к печати переводов его рассказов. Спрашивая Зарецкого об адресе Ремизова (письмо от 3 сентября <1932 г.>), он вскользь замечал о своей ситуации: «Положение в Германии – отвратительное и титул доктора дает – боюсь – только право на почетное безделье». Но тогда контакт с Ремизовым по каким-то причинам оказался излишним. Однако в том же письме упомянут примечательный проект Зарецкого: «Очень мне понравилась Ваша мысль об устройстве Ремизовского общества в Праге. Напишите пожалуйста, предприняли ли Вы уже какие-нибудь шаги к его осуществлению. Председательствовать конечно следует А.М. Ремизову <...>».

Переехав в Париж весной 1933 г., после катастрофы Веймарской республики, Горлин писал Зарецкому уже 5 мая 1933 г.:

Простите, что сразу не ответил на Ваше письмо, но много было всяческих хлопот и возни, как видите, я выбрался из Германии – родители и сестра еще остались в Берлине – и нахожусь сейчас в Париже, у дяди. Да, кто мог думать, что история окажется такой истерической дамой. <...>

Хочется мне очень здесь познакомиться с Алексеем Михайловичем Ремизовым. Не могли бы

Вы указать мне его адрес и дать к нему рекомендательную грамотку.²⁰

19 Письма Горлина к Зарецкому цитируются по оригиналам в фонде: BAR, N. V. Zaretskii Papers, Box 6.

20 По поводу приезда Горлина Раиса Блох извещала Григория Лозинского 11 апреля 1933 г.: «Скоро пришло Вам сборник поэтов и моего друга Мишу, который едет к родным в гости. Это мой очень большой друг. Он воспитан в уважении к Вам». Письма Раисы Блох и Михаила Горлина к Г.Л. Лозинскому цитируются по копиям в Историческом архиве Восточно-европейского института при Бременском университете (Historisches Archiv der Forschungsstelle Osteuropa, Universität Bremen).

В письме содержится ценная деталь: лицо, указанное в адресе отправителя: «M. Gorlin / 6, rue Emile Augier / chez Schick / Paris 16e / телефон: Trocadéro 00-41» (в других письмах приведен и инициал «J. Schick»), может быть отождествлено. Речь идет о Исааке Яковлевиче Шике (6.I.1878 [ст. ст. 25.XII.1877], Могилев – 12.VI.1959, Paris), купце 2-ой гильдии в Петербурге с 1907 г., меховщике, совладельце ювелирной мастерской и оптовой торговли «Гашкель и Шик» (1908–1917), занимавшимся также благотворительностью. Он был женат на Глафире Исааковне Шик, урожд. Александровой (9.IX.1885–17.VII.1959),²¹ Глафира приходилась Горлину теткой по материнской линии; ей был подарен сохранившийся в коллекции Андрея Савина экземпляр *Роши*, второго сборника берлинского поэтического кружка, с инскриптом редактора: «Дорогой тете Глаше на добрую память Миша Горлин. 15/IV 1932».²²

В свою очередь Зарецкий уведомлял Ремизова о появлении Горлина в Париже в письме от 14 мая 1933 г.²³ Первое письмо Горлина к Ремизову было отправлено спустя несколько дней, 25 мая 1933 г.:

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Николай Васильевич Зарецкий Вам наверно уже написал обо мне. Недавно приехал из Берлина в Париж и очень бы хотел познакомиться с Вами. Николай Васильевич мне прислал рекомендательную грамоту для Вас, но так как на ней написано «в собственные руки», то не решаюсь переслать ее по почте.²⁴

Итак, личная связь с Ремизовым установилась с конца мая 1933 г., и Горлин благодарил Зарецкого (письмо от 24 июня 1933 г.):

Большое Вам спасибо за ласковую грамоту-рекомендацию для Алексея Михайловича. Он очень дружески и хорошо меня принял и я теперь часто у него бываю <...> так отраднo, что то впечатление, которое остается от его вещей, человеческий облик писателя Ремизова, не только не бледнеет, а наоборот еще

- 21 *Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь*. Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Том 3 (Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010), стр. 543–544.
- 22 *О муза русская, покинувшая дом... Поэзия русского Зарубежья. Из собрания А.В. Савина. Каталог*. Составители: Л.И. Киселева, А.В. Савин (С-Петербург: Дмитрий Буланин, 1998), стр. 169, №319; Fedor Poljakov, “Zur Übersetzungstätigkeit von Michail Gorlin und Raisa Bloch ins Deutsche: Materialien im Nachlass Fritz Lieb”, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. N.F. 1 (2013), S. 279–280.
- 23 BAR, N. V. Zaretskii Papers, Box 2; Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 340.
- 24 Amherst, Remizov Papers, Series 1, Subseries 1, Box 7, Folder 1 (Page 69).

усиливается, еще прекраснее становится от знакомства с Алексеем Михайловичем.

Одной из наиболее ярких особенностей литературного поведения, сближавшей Ремизова и Горлина, являлось их пристрастие к игровому элементу. Упоминание об составлении Горлиным сборника «Кишмиш» с хронологической привязкой к 1933 г. показывает, что эта особенность легла в основу сотрудничества в самом начале их личного общения. О ремизовском Обезвельволпале Горлин имел весьма определенные сведения еще в берлинский период.²⁵ Так, после возведения Зарецкого в «старейшие кавалеры»²⁶ Горлин отправляет 22 июля 1928 г. почтовую открытку, на которой помещен сделанный им в его обычном наивно-детском стиле рисунок чернилами и раскраской зеленым карандашом – воин, напоминающий жестоких азиатских завоевателей, с пояснением: «Изображение славного и мудрого воителя Храбросмысла», с гербом и девизом на груди: «Бить врага есть занятие и полезное и приятное»; несколько ниже читается и сигнатура мастера: «M. Gorlin fec<it>». Открытка была послана, разумеется, обычной почтой. Адрес получателя (все начальные буквы также раскрашены зеленым карандашом) включает в себя незадолго до того пожалованную царем Асыкой титулатуру «старейшего кавалера»: «Seiner Benevolenz / Herrn Kunstmaler / Nikolaus Zaretski, / des Affenordens ältesten Kavalier <...>». Вскоре после переселения в Париж Горлин и сам стал «кавалером обезьяньего знака», а впоследствии получил то самое наименование *Мышонок*, которое упомянуто в рассказе «Кишмиш» и которым несколько раз подписаны его письма к Ремизову. Дальнейшая его карьера на этом поприще такова: когда 23 августа 1932 г. Зарецкому было присвоено звание «рыцаря пламенного меча» (подтверждающая грамота с дополнениями, датированными 24 июня 1933 г.), Горлин в звании кавалера был определен к Зарецкому в оруженосцы.²⁷

- 25 Ср.: Ф.Б. Поляков, «Евгений Замятин и Николай Зарецкий: к истории пражской «невстречи» 1932 г.», *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина*. Отв. ред. В.В. Полонский; составители М.П. Одесский, М.Л. Спивак (Москва: ИМЛИ РАН, 2017), стр. 189–198 (Библиотека «Литературного наследия». Новая серия. Вып. 1).
- 26 С этим титулом Зарецкий упоминается с 1927 г., подтверждение грамотой датировано 7 марта 1928 г.: Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 249–250.
- 27 Воспроизведение грамоты и анализ документа см. в кн.: Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 143–147.

Сведения о контактах Горлина с Ремизовым на протяжении 1930-х годов разнообразны. В рассказе «Кишмиш» описывается его участие в подготовке переезда Ремизовых на другую квартиру.²⁸ Он отправляется в издательство Éditions Victor Attinger для возвращения переданных туда ремизовских переводов и сообщает причину отказа (письмо от 26 июля 1933 г.): «Не решаются печатать, потому что рассказы вообще не очень то хорошо идут. Вот если бы у Вас был роман или что либо цельное, тогда они с радостью...».²⁹ Для распространения входных билетов на чтения Ремизова, важной статьи заработка писателя, всегда требовались помощники, и один из них, Кирилл Зноско-Боровский, сообщал: «Вчера взял у Горлина другой список, надеюсь опять набрать на все двадцать билетов. <...> Думаю, что и у Горлина не все еще готово».³⁰ Сам Горлин в числе таких помощников упоминает Е.И. Замятина,³¹ Л.Н. Замятину и Я.Е. Поволоцкого.³² Горлин обращается к писателю с просьбой раздобыть экземпляр его давно вышедшей повести *Оля* (Париж: Вол, 1927), желая сделать кому-то

28 ««Мышонок» заколачивал ящик с книгами, Мамченко перетаскивал их на чердак» – А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Том 10. *Петербургский буерак*, стр. 142. – В письме от 18 октября 1933 г. (с подписью «Мышонок») Горлин упоминал о своей готовности помочь Ремизовым при переезде: Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 (Page 30).

29 Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 (Page 33).

30 Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 1 (Page 67). Письмо датировано: «Среда V. 6». Мы предполагаем, что распространение билетов было связано с предстоящим выступлением Ремизова (чтение эссе «Рисунки писателей», имеющего непосредственное отношение к деятельности Зарецкого) на заседании Общества друзей русской книги 30 ноября 1935 г.: *Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция*. Под общей редакцией Л.А. Мнухина в сотрудничестве с Т.Л. Гладковой, Т.И. Дубровиной, В.К. Лосской и Н.А. Струве. Том 3 (Москва-Paris: YMCA-Press – Эксмо, 1996), стр. 116. Отправитель письма – Кирилл Зноско-Боровский (1912–1966), сын секретаря редакции Аполлона Е.А. Зноско-Боровского; см. о нем: *Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь*. Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Том 1 (Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008), стр. 598–599. Он также упомянут в грамоте Зарецкому: «К.Е. Зноско-Боровский – конь» (см. воспроизведение: Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. [147]); пропущен в перечне: Елена Обатнина. *Царь Асыка и его подданные*, стр. 345.

31 Письмо от 28 августа 1933 г.: Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 (Page 31).

32 Письмо от 9 августа 1933 г.: Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 (Page 29).

подарок.³³ Интенсивность их личного общения такова, что Зарецкий даже предлагал Горлину должность Эккермана при Ремизове. 12 марта 1935 г. Горлин писал Зарецкому:

Вы как-то написали, чтобы я составил книжку разговоров с Алексеем Михайловичем. Мне эта мысль очень понравилась, и каждый раз после того, как я видел Алексея Михайловича, я садился и пробовал записывать, но ничего не выходило.

При подготовке выставки рисунков литераторов (с отдельными экспозициями, посвященными 50-летию со дня кончины Тургенева и 25-летию юбилею Обезволпала), которая открылась в Национальном музее (Národní muzeum) в Праге 2 декабря 1933 г., Зарецкий пригласил к участию и Горлина.³⁴ Отправляя в Прагу некоторые материалы (фотографию своего портрета кисти Н.А. Бродской, отпечаток статьи и др.), Горлин 16 марта 1933 г. писал:

Очень тронут Вашей ласковостью и тем, что Вы меня, уж действительно недостойного, включили в состав Вашей выставки. Посылаю Вам – раз уж хотите автограф – собственное произведение «Мексика моего детства», писанное красными чернилами и еще, может пригодиться, маральный лист со всякими фигурками, набросанными в полусне: там среди всякой фигурной ахинеи Ваше имя и фамилия, тщательно выписанные, признак того, что Вас не забываю даже в полусне.³⁵

В рукописном каталоге выставки указаны семь экспонатов, относящихся к Горлину; по их перечню видно, что Зарецкий стремился представить его не только как рисующего поэта, но и как историка литературы:

1238. Портрет М.Г. Горлина, пис<ала> Н. А. Бродская (фотография)

33 Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 (Page 32), без даты.

34 О концепции этой выставки Зарецкого см.: А.В. Толстой, «Из истории книжной и журнальной иллюстрации русских художников-эмигрантов», *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья*. Отв. ред. О.Л. Лейкинд (С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008), стр. 197–198. Дата ее открытия указана нами по справочнику: *Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике*. Под общей редакцией Л. Белошевской. Том II (Прага: Славянский институт АН ЧР, 2001), стр. 229.

35 См. предположительно об этом автографе стихотворения «Мексика моего детства»: Fedor B. Poljakov, ««Der steinerne Boden des Exils»: Materialien zu Leben und Werk des Dichterspaars Michail Gorlin und Raisa Bloch», in: Angelika Lauhus, Bodo Zelinski (Hrsg.). *Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch* (Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 2005) (*Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte*. NF. Reihe A, 48), S. 226–227.

1239. Michael Gorlin, „Märchen und Städte“, Berlin 1930 Waldemar Hoffmann Verlag
1240. «Роща» 2^й сборник Берлинских поэтов. Berlin. 1932 г. Книгоизд. «Слово»
1241. Стихотворение. Автограф.
1242. „Goethe in Russland“, Teil I. Separatabdruck aus Band IX Heft 3/4 „Zeitschrift für Slavische Philologie“. Markert & Petters Verlag, Leipzig.
1243. Рисунок.
1244. Автограф.³⁶

В конце года Ремизов под псевдонимом *Василий Куковников* опубликовал в *Последних Новостях* заметку о выставке, в которой счел возможным упомянуть своего юного друга, хотя эта глосса и показывает, что его представление о вкладе Горлина было весьма расплывчатым: «И совсем «молодая поросль»: М. Горлин – Берлинские портреты <...>».³⁷

В сохранившихся письмах Горлина к Ремизову упоминания о Германии нечасты. Летом 1933 г. берлинский научный журнал предполагал поместить заметку Горлина о Ремизове, и Горлин, спрашивая в письме от 9 августа 1933 г., появлялись ли, кроме Святополка-Мирского, в недавнее время значительные критические работы о его творчестве, заключает:

Надеюсь, что статья моя о Вас сослужит и Вам некоторую службу; немцы, одуревшие было от стопроцентной советской литературы типа «Цемент», вспомнят, что есть в современной русской словесности и более достойные явления; впрочем, конечно, не следует преувеличивать роль статей вообще, а уж моих-то, почти что безымянных, особенно.³⁸

36 BAR, N. V. Zaretskii Papers, Box 11: «Выставка «Рисунки русских писателей». Каталог. Составил Н. В. Зарецкий. Прага, Народный Музей, 1933 г. Единственный экземпляр». Стр. 58.

37 Василий Куковников, «Выставка рисунков писателей», *Последние Новости*, 1933, 30 декабря, цит. по публикации: «А.М. Ремизов, Неизданный «Мерлот»». Публикация Антонеллы д'Амелиа, *Минувшее. Исторический альманах*. 3 (Paris: Atheneum, 1987), стр. 208. Горлин откликнулся на ремизовскую заметку в письме от 5 января 1934 г.: «Прочел на днях письмо Куковникова из Праги и очень был тронут тем, что почтенный баснописец упомянул и о моих рисунках» (Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 [Page 83]).

38 Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 (Page 29). Статья Горлина опубликована: Michael Gorlin, «Alexej Remisow», *Osteuropa. Zeitschrift für die gesamten Fragen des europäischen Ostens*. 9. Jg. (1933/1934), S. 333–343; Michel Gorlin et

Иногда Горлиным в переписке используется квази-берлинское обращение к своему адресату – «Herr Remersdorf», взятое из книги *По карнизам*, которая также упомянута в этой статье. Сообщая Ремизову затерявшийся берлинский адрес его давней переводчицы Käthe Rosenberg, он предупреждает (письмо от 26 июля 1935 г., с подписью «Мышонок»): «Если будете ей писать, не пишите ничего про места, касающиеся еврейских погромов – там теперь строго!».³⁹ Беспокойство за судьбу родителей и родственников в Берлине заставляет его приблизительно с конца 1934 г. соблюдать осторожность и не привлекать к себе внимание публикациями статей или переводов в немецких журналах. Об этом он пишет 17 декабря 1934 г. швейцарскому богослову Фрицу Либу, уже в 1933 г. вынужденному покинуть Боннский университет.⁴⁰

Близкий друг и будущая жена Горлина, Раиса Блох, в конце 1932 г. еще предполагала, что какое-то время ей удастся продолжить работу в Берлине: «Но в Париж я все-таки приеду <...> Только конечно надо сначала здесь поработать, а то меня могут уволить со службы» (письмо к Г.Л. Лозинскому от 1 ноября 1932). Но через несколько месяцев положение становилось невыносимым, и она (летом 1933 г., чуть позже, чем Горлин) отправилась в Париж.⁴¹ В отличие от многих, для которых отъезд из Берлина был бесповоротным (так, например, было для близкой знакомой

Raïssa Bloch-Gorlina. *Études littéraires et historiques* (Paris: Institut d'études slaves de l'Université de Paris, 1957) (*Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves*. Т. XXX), p. 163–173. Вероятно, из-за ограниченного объема, критическая литература, кроме посвященного Ремизову раздела в истории русской литературы Артура Лютера, в статье не упоминается.

39 Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 4.

40 Fedor Poljakov. «Zur Übersetzungstätigkeit von Michail Gorlin und Raisa Bloch ins Deutsche: Materialien im Nachlass Fritz Lieb», *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. N.F. 1 (2013), S. 280.

41 См. подробнее: Б.С. Каганович, Л.Б. Вольфцун, «Раиса Блох в 1930-е годы. Новые материалы», *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015* (Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015), стр. 606–621. Сохранились два письма Р.Н. Блох к М.Л. Кантору (Stanford University, Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, Box 93, Folder 12) от 14 декабря 1933 г. и 9 марта 1934 г. (опубликованы Вадимом Крейдом с неточностями в комментарии, *Новый Журнал* 206 (1997), стр. 317–318) с адресом парижского *Hôtel Raganaud*. Ее встреча с Ремизовыми, как представляется, произошла уже позднее. Ср. письмо Горлина к Ремизову от

Горлина Софии Прегель, уехавшей в Париж летом 1933 г.),⁴² Михаил и Раиса решают отправиться туда в декабре 1934 г. на рождественские праздники и Новый год. От Горлина и семейства Блохов 29 декабря 1934 г. приходит рождественская открытка с обращением: «Дорогие Herr und Frau v<op> Remersdorf!», «из занесенного снегом Берлина» (Горлин) и припиской Раисы Блох: «<...> здесь настоящие Weihnachten». По возвращении Горлин сообщает 13 января 1935 Ремизовым, что «на днях вернулись из Берлина и привезли Вам приветы и сувениры», с припиской: «Сердечный привет. Расскажу про Deutschland. Все таки это хорошая страна. Раиса Блох».⁴³ После их женитьбы отношения Горлиных с Ремизовыми, конечно, продолжают, но подробными сведений об этом мы не располагаем. По выходе в свет своего поэтического сборника *Путешествия* ([Берлин]: Петрополис, 1936) Горлин пишет:

7 VIII 1936

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович,
 посылаем Вам новинку, сборник стихов; только что вышел. Не судите его слишком строго.

А также и на нас не сердитесь, за то, что пропали. У нас, как Вы знаете, в виду всякие события, и оттого мы временно одичали. Надеемся, что уже к концу сентября будем снова «besuchsfähig».

Вас же мы крепко помним и bewahren tief in unserem Herzen.

Alles Gute

Всего хорошего

Любящие Вас

Раиса Горлина <подпись Раисы Блох>

Михаил Горлин.⁴⁴

Под «всякими событиями» имелось в виду, что Горлины ждали ребенка; в записке Григорию Лозинскому, написанной Горлиным (и подписанной

20 февраля 1934 г.: «Буду у Вас в четверг 22-го в 9 часов веч<ера> и приведу с собой Раису Ноевну Блох, которая тоже очень хотела бы Вас повидать» (Amherst, Remizov Papers, Box 7, Folder 2 [Page 114]).

42 Владимир Хазан, «Директриса эмигрантской литературы». Материалы к биографии С. Ю. Прегель», в кн.: София Прегель. *Разговор с памятью*. Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Хазана. Том I (Москва: Водолей, 2017), стр. 43–44.

43 Amherst, Remizov Papers, Box 24 Folder 8; Федор Поляков, «Трагическая и неискупимая судьба»: Свидетельства о гибели Михаила Горлина», стр. 218–219.

44 Amherst, Remizov Papers, Box 25, Folder 2.

Блох) в пятницу 11 сентября 1936 г., сообщается о рождении дочери в ночь с 8 на 9 сентября:

У нас родилась в ночь со вторника на среду дочка Дора <...> Unsere Dora hat blonde Locken und blaue Augen, ist aber doch nicht rein arisch.⁴⁵

Отправленная в летнее время посылка застаёт Ремизовых на отдыхе, в Le Clion-sur-Mer, откуда в Париж приходит ответ от 26 августа 1936 г.:

Дорогой Мышонок и Воробьенок,

Это второе имя из ваших стихов. Оба благодарим вас за <к>нигу. Мне особенно понравились: Париж, Шнурренлауненбург и Город Нины Александровны Бродской.

Скоро наш срок – возвращаться на Буало. Идет противный дождь и сегодня не увижу комету.

Раисе Ноевне и вам поклон от нас обоих.

А. Ремизов.⁴⁶

На этом наши сведения об общении Алексея Ремизова и Михаила Горлина, в их взаимоотношениях с Николаем Зарецким, практически иссякают. Однако приведенные материалы позволяют заключить, что эти контакты оставались действенными на протяжении всего столь короткого парижского периода в жизни Горлина. Упоминания о Михаиле Горлине и Раисе Блох в «парижском архиве» Ремизова (ныне поступившем в московский Литературный музей) позволяют взглянуть на их отношения ремизовским внутрисемейным, цепким и наблюдательным взглядом.⁴⁷ В своих «Объяснениях к Русскому Историческому альбому» – комментариях

45 Дора Горлина умерла в шестилетнем возрасте в конце 1942 г. См. Федор Поляков, «Трагическая и неискупимая судьба»: Свидетельства о гибели Михаила Горлина», стр. 227–228.

46 Yale University Library, Beinecke Rare Book and Manuscript Library (New Haven), Vladimir Korvin-Piotrovskii Papers (GEN MSS 598), box 11, folder 3. Обращение *Воробьенок* – по стихотворению Раисы Блох «Воробей»; впервые опубликовано: Раиса Блох, «Воробей», *Звено. Еженедельная литературно-политическая газета* под ред. М.М. Винавера и П.Н. Милюкова, №61, 31 марта 1924, стр. 2 (с датой 31.III.1924, впоследствии снятой); вошло в ее сборник: Раиса Блох. *Мой город* ([Берлин]: Петрополис, 1928), стр. 23–24.

47 За предоставление приводимых здесь выписок благодарим Анну Урюпину. Ср. ее замечания о субъективном характере этого источника: Анна Урюпина, «Жили одиноко и скрытно»: О репутации и литературном окружении А.М. Ремизова в Париже 1920–1930-х годов (по материалам архива писателя в Гослитмузее), *Октябрь*, 2015, №7, стр. 186–192.

к собственным записям, составленным в 1932–1935 гг., С.П. Ремизова-Довгелло записала:

85. Раиса Ноевна Блох, поэтесса, культурный человек, недавно приехала из Берлина.

86. Михаил Генрихович Горлин, тоже приехал из Берлина, написал диссертацию о Гоголе и Гофмане, очень милый.⁴⁸

После смерти С. П. Ремизовой-Довгелло в 1943 г. Ремизов занимался переписыванием оставшихся от нее записей, внося изменения и собственные комментарии:

85. *Раиса Ноевна Блох*

культурный человек, недавно приехала из Берлина.

[Бес ее попугал взять немецкий паспорт и вышло так, что ни туда, ни сюда; много знает книжного, но уж очень «безобразно», она напоминает обожженное весло, никогда она даже мечтать не могла выйти замуж, м. б. от того так прилежно и училась, а ведь нашла дурака – это Горлин. А<лексей> Р<емизов>]

86. *Михаил Генрихович Горлин*

тоже приехал из Берлина, написал книгу «Гоголь и Гофман», очень милый. Она на 14 лет старше его. И у них родился ребенок Дора [† 1941].

[По росту он с гимназиста 5-иклассника, да и то из недоростков, а борода, пробовал не бриться, черномор, даже страшно. Оба они тькались, как устроиться. Им покровительствовал Мазон, «мышонка» сделал библиотекарем в Inst<itute> des Etudes Slaves. И бегали они в июне 1940 г. И вернулись, его арестовали, а она убежала. У нее есть брат Яков Н. Блох «Petropolis» в Берлине. А когда-то в Петербурге книжная лавка: ему и досталась вся наша драгоценная библиотека в 1921 г. в июне. Променяли на «бессрочную каторгу» – книги мои, начатые с детства, и С. П. тоже памятные, сколько автографов. Я его никогда не спрашивал о их судьбе, все равно, пропали. И деньги за них едва-едва получил. Petropolis меня не издавал. Горькая память. А<лексей> Р<емизов>].⁴⁹

48 «Объяснения к русскому историческому альбому 1926 года» (Автограф С.П. Ремизовой-Довгелло). Там же примечание: «Теперь они муж и жена, ждут ребенка. Она на 14 лет старше. Родилась Дора» (разница лет между Блох, год рождения 1899, и Горлиным, год рождения 1909, Серафимой Павловной несколько преувеличена). – Москва, Государственный литературный музей, Отдел рукописей и фольклора (ОРФ ГЛМ), Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1044. Л. 24.

49 Объяснения С.П. Ремизовой-Довгелло к «Русскому историческому альбому», переписанные А.М. Ремизовым в одну общую тетрадь. Книга 4 (Автограф А.М. Ремизова), ОРФ ГЛМ Ф. 156. Оп. 2. Ед. 290. Л. 49.